

ном свидании с царем: «Свет-государь, пред человеки не могу тебе ничтож проговорити, но желаю на е д и не светлоносное лице твое зрети и священполепных уст твоих глагол некий слышати мне на полузу, как мне жити» (стр. 730).¹⁰

Однако для анализа истоков автобиографизма у Аввакума важна не только эта внешняя, рассчитанная на адресата мотивировка. Аввакум выступает в своем рассказе как защитник «церкви божия» и государственных интересов. Аввакум не жалуется царю («не челобитьем тебе, государю . . . глаголю»), но «возвещает» ему, «како строится» в его «державе», «возвещает» о злоупотреблениях воеводы Пашкова, о тяготах «государевых служивых людей». Его личная судьба, судьба его семьи осознаются Аввакумом как часть и проявление общих процессов, происходящих в государстве, и это дает право Аввакуму на рассказ о самом себе, превращает автобиографическую, личную тему в факт общественного значения.

Именно этот общественный характер обращения Аввакума к царю поддерживается и усиливается его запиской об Афанасии Пашкове: записка Аввакума — перечень не личных обид Аввакума, а фактов антигосударственной деятельности воеводы, от которой «государеве казне напрасная проторь» (стр. 702), «государевым служивым людям» — «мўка» и напрасные казни.

Важно отметить и другое: челобитная и записка об Афанасии Пашкове составляли в автографе единый текст, и в композиции обращения к царю перечень «злодейств» Афанасия Пашкова дополнял и структурно уравнивал рассказ о бедах Аввакума и мытарствах его семьи, придавая тем самым рассказу о личной судьбе Аввакума значение и силу бесспорного аргумента.

Таким образом, автобиографические записки Аввакума весьма интересны как существенный этап в формировании самой идеи автобиографического повествования, идеи общественной значимости автобиографической темы. По ним можно судить и о различных типах автобиографического повествования у Аввакума (один непосредственно связан со стилем документа, второй ориентируется на живую устную речь).

Автобиографическое повествование Аввакума связано и с другой линией его самовыражения — с кропотливым психологическим самоанализом. В этом отношении очень существенным сочинением Аввакума, к тому же хронологически непосредственно предшествующим Житию, является его «Послание братии на всем лице земном». Послание датируется началом 1670 г.,¹¹ это одно из первых «открытых» посланий Аввакума, обращенных к широкой аудитории единомышленников. В этом послании нет рассказов Аввакума о событиях из своей жизни, встречаются только отдельные бытовые детали, припоминания (например, Аввакум вспоминает о голубях: «Я их смолада держал, попович я, голубятник был» — стр. 775; и др.). Но тем не менее послание это непосредственно связано с развитием автобиографического повествования: большое место уделено в нем изображению личности Аввакума. Аввакум здесь, пользуясь его выражением, «обнажается душой» («А еще во мне такой нрав есть: как меня кто вели-

¹⁰ Именно так, например, поступил в свое время Афанасий Филиппович, добываясь в 1638 г. аудиенции у русского правительства: в форме послания царю Михаилу Федоровичу он описал историю и цели своего путешествия в Москву, и «после этого послания царю Филипповича приветливо и гостеприимно приняли в Посольской избе» (А. Коршунов, Афанасий Филиппович. Жизнь и творчество. Минск, 1965, стр. 41).

¹¹ П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. — В кн.: РИБ, т. 39, стр. LI.